

Цзян Шэнь не отрывал взгляда от юноши, сидящего у окна кареты.

Долго не мог отвести глаз.

Юноша был одет в красное: его тонкую спину чётко очерчивала ткань.

Этот наряд нашли люди Цзян Шэня перед отъездом, и он сам выбрал именно этот цвет — он лучше всего подходил к его коже.

Жаль лишь, что размер всё равно был великоват: рукава пришлось закатать дважды, открыв тонкие белые запястья.

Сцена, увиденная мгновение назад, всё ещё стояла перед глазами.

В карете были только они вдвоём.

Ли Жуань всё время лежал у окна, не двигаясь.

Не должно было быть причин увидеть вспышку ярко-красного... как будто что-то пушистое, взволнованно качающееся из стороны в сторону.

Но если он не ошибся, то выходит, что у юноши...

Цзян Шэнь машинально протянул руку к его спине, будто хотел проверить, не растёт ли там действительно хвост.

Но прежде чем он успел дотронуться, юноша резко обернулся.

— Что такое? — подозрительно спросил Ли Жуань.

Цзян Шэнь очнулся:

— Н-ничего. Что ты говорил?

Ли Жуань указал наружу:

— Мы въезжаем в город.

У городских ворот собралось множество людей, и чем ближе подходил караван, тем громче

становился восторженный шум.

Когда Цзян Шэнь выглянул в щель занавески, толпа буквально хлынула вперёд, стараясь разглядеть наследного принца.

Стражники у ворот уже едва сдерживали напор.

Цзян Шэнь поспешил оттащить Ли Жуаня обратно в карету.

— Они такие... страстные, — пробормотал Ли Жуань, всё ещё в шоке. — Даже страшнее лис в брачный сезон.

Цзян Шэнь едва не рассмеялся:

— Что за сравнение такое? Сравнить людей с лисами в период гона?

— Очень похоже, — серьёзно сказал Ли Жуань. — Ты не видел? Я как-то видел, как семь или восемь самцов, дошедших до брачного возраста, гнались за одной самкой через пол-горы. Прямо вот так же.

— Глупости, — Цзян Шэнь ткнул его пальцем в лоб. — Тогда я, выходит, самка?

Ли Жуань тихонько пробормотал:

— Если бы ты и правда был лисицей... я бы утащил тебя в пещеру.

— Что? — не расслышал Цзян Шэнь.

— Н-ничего.

Карета въехала в городские ворота.

Внутри людей было ещё больше, чем снаружи, и даже городская стража стояла цепью вдоль улицы, чтобы расчистить путь.

Ли Жуань опасался, что если снова приподнять занавеску, толпа начнёт сходить с ума, поэтому прижался в угол и смотрел через маленькую щёлку.

Глядя на дома, он восхищённо вздохнул:

— Сколько домов... Но такие маленькие! И как они там не дерутся, живя так тесно? Удивительно.

Чем дальше слушал Цзян Шэнь, тем страннее ему становилось.

— Ты никогда не бывал в столице? — спросил он.

— Нет, — честно ответил Ли Жуань. — Я всегда жил в горах.

В горах...

Это он уже говорил раньше. Но когда Цзян Шэнь спросил, на какой именно горе — ответить он не смог.

Сначала Цзян Шэнь подумал, что тот из дальних горных деревень, но за эти дни юноша проявил чрезмерное удивление по поводу самых обычных вещей.

Будто он никогда не жил среди людей.

Если бы это было раньше, он бы не заподозрил ничего особенного. Но...

Цзян Шэнь вспомнил ярко-красное, что мелькнуло у него перед глазами.

Жизнь в горах.

Сверхъестественная сила.

Способность появляться и исчезать бесшумно.

Полное невежество о человеческом быте и правилах.

Все эти особенности, собранные вместе...это совсем не похоже на обычного человека.

Это куда больше напоминает истории из книг о духах и демонах, которые он когда-то читал.

Неужели он... действительно столкнулся с маленьким чудовищем?

Цзян Шэнь посмотрел на спину юноши, и выражение его лица стало серьёзным.

— Что это? — Ли Жуань, не подозревая, что его тайна чуть не раскрылась, продолжал с любопытством смотреть наружу.

Он потянул Цзян Шэня за собой, а тот обернулся и увидел, что юношу привлёк всего лишь продавец сладостей.

Ли Жуань был полон любопытства, спрашивал о всём подряд на протяжении всего пути, и Цзян Шэнь терпеливо отвечал на каждый вопрос.

Караван проехал через шумный рынок и направился к дворцу — улицы понемногу становились просторнее.

Но Ли Жуань всё равно висел у окна, придерживая занавеску, и с восторгом разглядывал всё вокруг, будто впервые видел мир.

Цзян Шэнь тоже начал удивляться:

— Даже если ты жил раньше в горах, твоя пещера не могла быть так уж далеко от столицы. Раз тебе тут всё так интересно, почему никогда не выходил в город?

Ли Жуань сжал пальцы у окна, отвёл взгляд:

— Были... причины.

До встречи с Цзян Шэнем его жизнь была неподвижным, тихим болотом.

Сотни лет практики — никаких мыслей о мирской жизни, никакого желания смотреть на людей.

Культивация, преодоление небесных бедствий, лечение ран — так проходили долгие годы.

Когда он жил этим каждый день, это не казалось скучным — у него была цель, ради которой он старался, и даже без ярких красок жизнь была полной и спокойной.

Он не знал... сможет ли вернуться в ту тихую, чистую жизнь после всего, что произошло.

На сердце у Ли Жуаня внезапно потяжелело.

Цзян Шэнь отметил его внезапно потухшее настроение и решил, что тот просто не успел досмотреть, поэтому мягко сказал:

— Через пару дней, когда у меня освободится время, я вывезу тебя из дворца прогуляться. Хорошо?

Мысли Ли Жуаня сразу переключились, но сомнения остались:

— А ты не боишься, что они опять увидят тебя и погонятся, как за лисицей в брачный период?

Цзян Шэнь: —...

Он сжал переносицу:

— Перестань сравнивать меня с лисой.

Его в народе боготворят, а в глазах этого маленького лиса он — лисица. Невозможно терпеть.

Цзян Шэнь объяснил:

— Они сегодня так бурно реагировали, потому что мы ехали на карете наследного принца. Но кто сидит внутри — они же не знают. Понимаешь?

Ли Жуань:

— То есть если ты не скажешь, что ты принц, они тебя не узнают?

— Да, — подтвердил Цзян Шэнь.

Ли Жуань нахмурился:

— Но тогда... значит, им не нравишься ты. Им нравится только твоё имя.

Цзян Шэнь замер.

Он отвёл взгляд и с тихим смешком выдохнул:

— Да... любят они не меня, а символ моего положения.

С детства до зрелости все, кто приближался к нему, льстил, поддерживал или служил — делали это лишь ради титула.

Если бы он потерял свою позицию... кто бы остался рядом?

Ли Жуань спокойно сказал:

— А я — люблю тебя.

Он пристально посмотрел на Цзян Шэня и серьёзно добавил:

— Я люблю не принца. Я люблю тебя — Цзян Шэня.

Глаза юноши были так искренни, что казалось, его слова мягко ударили прямо в сердце.

Взгляд Цзян Шэня стал нежнее.

Он провёл рукой по его волосам и тихо ответил:

— Хорошо.

К сумеркам караван остановился перед воротами дворца.

Кареты дальше не пропускали — нужно было пересечь на паланкин.

Он ждал с раннего утра у ворот.

Цзян Шэнь вывел Ли Жуаня из кареты, и тут их встретил седовласый старый евнух, поклонившийся до земли:

— Приветствую Ваше Высочество Наследного принца. Благополучно ли прошёл путь?

Это был главный евнух императора, Чанъань — человек, который служил дворцу десятилетиями и практически видел, как Цзян Шэнь рос.

— Не шути так, Чан-гун, — сказал Цзян Шэнь. — На Его Высочество покушались, едва не сожгли родовой храм, стремясь сделать Его Высочество грешником на века. Разве Чан-гун не слышал об этом?

Евнух Чан опустил голову и с лёгкой улыбкой ответил:

— Старый слуга слышал лишь о том, что той ночью небеса явили милость и погасили огонь

ради Вашего Высочества. Это Небо благословляет Ваше Высочество... и благословляет наш род Лян.

Евнух Чан служил много лет и отлично умел выбирать слова по ситуации.

Цзян Шэнь лишь мягко усмехнулся:

— Чан-гун всё так же красноречив. Не забудьте позже зайти в Восточный дворец и получить награду.

Евнух Чан поклонился:

— Благодарю Ваше Высочество.

Цзян Шэнь спросил:

— Что привело Чан-гуна? Приказ Его Величества?

Евнух Чан ответил:

— Его Величество приготовил пир в честь возвращения Наследного принца и велел Вашему Высочеству сразу по приезде явиться в Цяньцинь-дянь.

Цзян Шэнь нахмурился:

— Сейчас?

— Да, — спокойно подтвердил евнух Чан. — Его Величество уже велел приготовить для Вас императорский экипаж. Прошу Ваше Высочество следовать за старым слугой.

Но Цзян Шэнь не спешил уходить и обернулся к юноше рядом.

Ли Жуань послушно следовал за ним с тех пор, как они вышли из кареты, ни звука не произнося.

Когда Цзян Шэнь повернулся, Ли Жуань тихо сказал:

— Иди. Я подожду тебя в твоих покоях.

Цзян Шэнь задумался на мгновение, затем сказал евнуху Чану:

— Подождите немного.

После этого он взял Ли Жуаня за руку, подвёл к паланкину, помог ему подняться и сказал:

— Я скоро вернусь. Иди в мои покои и подожди меня там.

Ли Жуань послушно кивнул:

— Хорошо.

Возле паланкина на коленях стояли две фрейлины из Восточного дворца

.

Услышав слова Цзян Шэня, обе оцепенели.

— Ваше Высочество, это... — одна из них не выдержала и подняла голову.

Но, встретившись взглядом с наследным принцем, проглотила остаток фразы.

Ли Жуань не понимал дворцовых правил и не знал, что в действиях Цзян Шэня было не так, но дворцовые служанки знали хорошо.

Только наследный принц может сидеть в своём паланкине.

Если кто-то и может ехать с ним — то только принцесса.

А этот юноша...

Служанки переглянулись, увидев в глазах друг друга одинаковый шок.

Наследный принц никогда не брал наложниц.

Все попытки подсунуть ему женщин или мужчин оканчивались тем, что Его Высочество выгонял их, даже не прикоснувшись.

Человек, чистый сердцем и равнодушный к плотским желаниям... даже подозрительно

равнодушный.

И вдруг — после поездки к родовому храму — возвращается с кем-то... и собственноручно сажает этого кого-то в свой паланкин?

Они едва не лопались от любопытства, злились даже на себя за то, что не смеют поднять голову и посмотреть — кто же этот человек?

Цзян Шэнь не обратил на них внимания, позвал Юй Сю:

— Я поеду к отцу один. Ты возвращайся во Восточный дворец вместе с ними.

Он взглянул на юношу в паланкине и добавил:

— Присмотри за ним.

Юй Сю был единственным, кто знал, что Его Высочество проводил с этим юношей несколько дней в уединении... его сердце уже было нечувствительно к потрясениям.

Он спокойно ответил:

— Слушаюсь.

Паланкин принца медленно тронулся.

Цзян Шэнь сказал евнуху Чану:

— Пойдём.

Старый евнух всё ещё смотрел вслед уходящему паланкину. Услышав слова Цзян Шэня, он нехотя отвёл взгляд и вновь посмотрел на наследного принца — теперь в его глазах мелькало даже возбуждение:

— Похоже... Ваше Высочество очень многого обрели в этой поездке.

Люди, служащие во дворце, — все опытные, проницательные, как могли они не заметить намерений Цзян Шэня?

Для принцев и вельмож вовсе не редкость привозить с собой красавцев или красавиц из-за пределов дворца.

Младшие братья Цзян Шэня, едва покидая дворец, почти всегда возвращались с кем-то.

Но то, как к таким людям относятся во дворце, полностью зависит от того, как смотрит на них хозяин.

Большинство пришедших из простого народа не знают дворцовых правил — поначалу их обязательно встречают служанки или няньки, чтобы якобы научить этикету.

Этикет — лишь предлог. На деле это проверка, демонстрация власти.

Некоторых не ставят ни во что, а то и попросту притесняют.

Цзян Шэнь не хотел, чтобы юношу ждал такой исход.

Обычно он мог бы привести Ли Жуаня прямо в Восточный дворец и сразу установить правила, объяснив всем, как к нему относиться.

Но раз Его Величество внезапно вызвал его, вернуться туда он пока не мог — и потому мог рассчитывать только на один способ:

Посадить Ли Жуаня в собственный паланкин, отдать его под охрану личной страже, и тем самым ясно показать всем при дворе, какое место этот юноша занимает в его сердце.

Так, чтобы никому не вздумалось проявлять неуважение.

Даже если это всего лишь ужин — такое отношение нужно обозначить сразу.

Даже самая любимая наложница ныне здравствующего императора не получала таких привилегий в первый же день.

Такой нежности Чан-гун ещё не видел.

Он думал так про себя, но Цзян Шэнь ничего не объяснял, а просто последовал за евнухом Чаном к императорской колеснице и направился в Цяньцин-дянь.

В последние годы Его Величество почти не появляется в императорском кабинете — из-за болезни он управляет государством и живёт в покоях Цяньцин.

Когда Цзян Шэнь вошёл в зал, его сразу ударил в нос резкий запах трав — император пил лекарство.

Текущее название правления — «Чунсюань», а правящий император — Император Чунсюань.

Он выглядел неплохо, хоть возраст и наложил отпечаток: лицо немного истощено, взгляд усталый, но черты были ещё узнаваемо красивыми — похожими на юношеские портреты.

Он взошёл на трон, когда Цзяну Шэню было шесть лет; прошло меньше двадцати лет — он не так стар.

Лишь болезнь, приковавшая его к ложу последние годы, сделала его преждевременно хрупким.

Увидев Цзяна Шэня, он жестом подозвал его:

— Иди сюда.

Цзян Шэнь подошёл.

Говорили, что в семье императора редко бывают тёплые отношения, и Чунсюань в молодости был слишком занят государством, чтобы уделять внимание наследникам.

Поэтому у Цзян Шэня не было особой близости с отцом.

Только после смерти императрицы несколько лет назад, когда Чунсюань тяжело переживал утрату, он стал чаще звать Цзян Шэня к себе для бесед.

С тех пор отношения заметно сблизились.

А за последние два года болезни император стал ещё более нуждаться в близких.

— Слышал, что Ли Хунчжун поджёт родовой храм, желая навредить тебе, — голос императора был прерывистым, он говорил с усилием. — Ты не испугался?

— Нет, — ответил Цзян Шэнь. — Лишь заставил Отца тревожиться.

— Хорошо. Хорошо... — Император тяжело выдохнул тем же мягким голосом. — Его уже доставили обратно. Как ты хочешь с ним поступить? Прикажешь казнить его девять родов?

Цзян Шэнь не спешил с ответом.

Он взял из рук маленького евнуха чашу с лекарством, опустился рядом с ложем на одно колено, поднёс отцу лекарство к губам, протёр их шёлковым платком и лишь после этого

сказал:

— Надеюсь, Ваше Величество позволят сыну разобраться с этим делом самому.

Император Чунсюань спросил:

— Думаешь, Ли Хунчжуна можно вытянуть ниточку, ведущую к кому-то ещё?

Цзян Шэнь:

— Можно попробовать.

Император Чунсюань, казалось, заранее знал, что сын ответит именно так, и спокойно сказал:

— Тогда иди и попробуй. Делай, что считаешь нужным. Я вмешиваться не буду.

Цзян Шэнь поклонился:

— Благодарю, отец.

Император поднял руку, собираясь сказать ещё что-то, но внезапно перехватило дыхание, и он тяжело закашлялся.

Цзян Шэнь поспешил поддержать его, помогая ровнее дышать.

Приступ кашля долго не проходил, а когда наконец стих — на губах императора проступила кровь.

Лицо Цзян Шэня потемнело.

— Хотя лекарства поменяли, состояние отца не только не улучшилось — оно ухудшилось. Может быть, стоит позвать лекарей из народа...

Император Чунсюань поднял руку, прерывая его.

Он взял платок, вытер кровь с уголков губ и с лёгкой улыбкой сказал:

— Дело не в лекарствах. Когда человек умирает... даже чудесное снадобье не спасёт.

Цзян Шэнь нахмурился:

— Но ведь ещё два года назад отец был в добром здравии... Если мы не нашли средство сейчас, это не значит, что оно не существует. Болезнь должна лечиться.

— Твой младший дядя говорит то же самое, — усмехнулся император. — Пару дней назад даже передал письмо: собирается строить корабль и отправиться за море искать для меня лекарство. В его возрасте — такие затеи... смешной старик.

Они поговорили ещё немного, и Чунсюань почувствовал себя чуть бодрее. Он велел помочь ему приподняться и приказал подать еду.

Сильно больные редко имеют аппетит. Император сделал всего несколько глотков и сказал:

— До весеннего императорского экзамена осталось полмесяца. У меня нет сил управлять этим делом. Я собираюсь поручить всё тебе. Ты как?

Цзян Шэнь замер.

Весенний экзамен (чуньвэй) проводился раз в три года и был главным способом отбора чиновников.

В последние месяцы здоровье императора ухудшалось, и при дворе давно обсуждали, что он передаст полномочия кому-то другому.

Но кому именно — он до сих пор не говорил.

А ведь дело вовсе не только в проведении экзамена.

Чуньвэй — это момент, когда к власти приводят новых людей.

Чьё политическое крыло контролирует экзамен — то и получает решающее преимущество в придворной борьбе.

Особенно сейчас, когда из-за действий Цзян Шэня после возвращения в столицу были затронуты и смещены многие старшие чиновники.

Образовались пустые места.

А значит — весенний экзамен станет ключевым событием.

Одной из причин, по которой Цзян Шэнь так тщательно исполнял обряд в храмах и даже возил с собой большой свит свиты, было именно это.

И атаки других фракций последние недели были связаны в первую очередь с этим же.

Теперь же — раз император произнёс это вслух — партия Цзян Шэня выиграна.

Но на лице наследного принца не промелькнуло ни капли волнения.

Он лишь спокойно ответил:

— Для сына честь — снять часть забот с плеч отца.

Император Чунсюань улыбнулся и сказал:

— Политикой закончили. Теперь поговорим о семейном. — Он прищурился. — Слышал, ты привёз из поездки какого-то особенно красивого юношу. Когда собираешься показать его мне? Если он тебе по душе — нужно будет дать ему титул.

Когда в государстве преобладали мужчины, мужские наложники были обычным делом. Во дворце и сейчас есть несколько мужчин.

Но поскольку мужчины не могут рожать детей, высшие звания им почти не присваивали — в основном титулы наложниц или младших супругов.

Цзян Шэнь закрыл глаза и промолчал — но внутри у него всё дрогнуло.

Он понимал, что скрыть возвращение кого-то вместе с собой во дворец невозможно, но всё же не ожидал, что в то короткое время, пока он прошёл от ворот до Цяньцинского дворца, весть уже успеет дойти до императора.

Даже много лет лежащий в постели, император Чунсюань по-прежнему прекрасно знал всё, что происходило в его дворце.

Цзян Шэнь сказал:

— Это всего лишь обычный юноша из простолюдинов. Я увидел, что он одинок, и привёл его во дворец. Он ещё не знает дворцовых правил, я собирался обучить его сам, чтобы он не нарушил порядок в присутствии государя.

Император Чунсюань ответил:

— Понятно.

Болезнь давно изменила императорский характер: когда он был моложе, он был суров, строг и редко улыбался. Но за последние два года стал мягче и добрее к окружающим.

Он удержал Цзян Шэня ещё ненадолго, поговорил о житейских делах, а затем, утомившись, отпустил его.

Когда в покоях Цяньцинского дворца никого не осталось, вперёд вышел Чан-гун, помогая императору лечь на ложе.

— Ваше Величество, кажется, вы сегодня особенно довольны? — осторожно спросил он.

— Разумеется, — ответил император. Сегодня он много говорил, на лице выступила усталость, но настроение действительно было хорошим. — Последний раз я видел такую картину — когда наследник возвращался с победой, взяв несколько приграничных городов.

— Его Высочество завоевал любовь народа. Этот старый слуга тоже счастлив за Ваше Величество.

Император вздохнул:

— Но у меня всё ещё есть трое сыновей...

Под коленями императора сейчас пять сыновей и три дочери. Второй принц умер молодым, третий — под домашним арестом. Оставшиеся двое младших всё ещё во дворце.

— Третий посмел организовать засаду на наследника прямо у меня под носом. Кто знает, не последуют ли за ним четвёртый и пятый, — сказал император. — Даже если Чуньвэй будет за ним, путь наследника вперёд всё равно будет непрост.

Чан-гун тихо спросил:

— Если Ваше Величество тревожится... почему не поступить, как предки, — не пожаловать четвёртого и пятого принцев в уделы и отправить по феодам?

Император медленно взглянул на него.

Чан-гун тут же рухнул на колени:

— Этот жалкий раб не должен рассуждать о государственных делах. Простите, Ваше

Величество, я виноват!

— Встань. Я не собираюсь тебя наказывать, — мягко сказал император. — Ты прав. Отправить их — надёжный способ решить проблему раз и навсегда.

Он сделал паузу... и тихо добавил:

— Но почему я должен помогать ему?

Чан-гун замер, поражённый.

Он поднял глаза. На драконьем ложе лежал ныне недужный император, лицо его было спокойно, даже с лёгкой улыбкой. Многие думали, что годы болезни смягчили его сердце...

Но Чан-гун знал: кое-что в нём не менялось.

Он всё ещё тот император, который взошёл на трон, пролив кровь своего отца и братьев.

Император Чунсюань прикрыл глаза; усталость звучала в голосе, но в словах звучал холодный интерес:

— Трон должен быть завоёван.

— Пусть он покажет мне, на что способен.

Покинув Цяньцинский дворец, Цзян Шэнь вернулся в Восточный дворец наследного принца на императорской колеснице.

Когда он въехал в столицу, были уже сумерки. У императора он пробыл долго, и теперь, когда он вернулся в Восточный дворец, в небе уже стояла высокая луна.

Слуги встречали его поклонами, но Цзян Шэнь на них почти не глядел — сразу направился в свои покои.

Ли Жуань прибыл сегодня в Восточный дворец на его личной колеснице. Слуги дворца, не понимая, как обращаться с человеком, которого привёз наследный принц, решили поселить его прямо в спальном зале наследника

В зале горели свечи, двери были плотно закрыты, а снаружи стоял на страже Юй Сю.

Цзян Шэнь спросил:

— Ну как? Поел? Отдохнул?

Юй Сю ответил:

— В столовой приготовили ужин для юного господина, но он отказался есть. Сказал, что будет ужинать вместе с Вашим Высочеством, когда Вы вернётесь.

Цзян Шэнь нахмурился:

— Ты разве не сказал ему, что я ужинаю с отцом?

— Сказал, — Юй Сю понизил голос, заметно смущённый, — но молодой господин сказал... сказал...

Он редко так запинался. Цзян Шэнь спросил:

— Что именно он сказал?

Юй Сю огляделся и едва слышно произнёс:

— Молодой господин сказал, что «служить царю — всё равно что жить рядом с тигром». Раз Ваше Высочество ужинает с императором, значит, Вы наверняка ели плохо. Поэтому он подождёт Вас и поест вместе с Вами.

Цзян Шэнь: — ...

Да, служить государю — всё равно что жить рядом с тигром.

И да, поел он и правда так себе.

Но разве можно такие слова говорить вслух?!

Юй Сю поспешил добавить:

— Ваше Высочество, не тревожьтесь. Когда молодой господин это говорил, рядом был только я.

Никто больше не слышал.

Цзян Шэнь кивнул:

— Хорошо.

Он толкнул дверь покоев и одновременно сказал Юй Сю:

— Убери всех из ближайших коридоров. Если рядом нет необходимости дежурить, пусть никто не подходит к спальне. И...

Слова застыли в горле.

В зале стоял сервированный стол — к нему никто не притронулся. Но за столом юноши не было.

Цзян Шэнь машинально посмотрел вглубь покоев — увидел что-то — и резко обернулся.

— Выйди, — сказал он Юй Сю. — Охраняй дверь. Никого не впускать.

Юй Сю хотел что-то сказать, но Цзян Шэнь закрыл двери, полностью перекрыв вид вглубь покоев, и захлопнул их перед ним.

Бам.

Юй Сю остался стоять снаружи.

В глубине спальни комнаты мерцал свет свечей.

Цзян Шэнь несколько секунд стоял спиной к двери, затем тихо выдохнул и вошёл внутрь.

Юноша не притронулся к ужину и не сидел за столом — он лежал на софе в дальней комнате, свернувшись в маленький клубочек, словно давно уснул.

Цзян Шэнь подошёл ближе.

Его взгляд скользнул от нежного, спокойного лица юноши... к тому, что находилось у него за спиной.

Из-за спины юноши выбивался пушистый хвост — толстый, длинный, свернувшийся вокруг него, словно укрывая.

По софе ниспадали распущенные волосы.

А из них торчали два острых, пушистых уха.

Лисьи.

<http://bllate.org/book/14444/1277246>